

Appendix

И.Данилыч was a Contradictory Personality
(edited at September 9, 2010)

И.Данилыч—личность противоречивая.

Особенно это проявилось в период, когда его административная карьера шла вверх—в конце 40х-начале 50х. Выполнив замечательные работы по геометрии, он был награжден Сталинской Премией (кажется, 1й степени) и был избран член-корр,ом АН СССР в 1946 году, стал членом Партии и Ректором ЛГУ. Они с Фоком решили взять дело марксистской философии в свои руки (по крайней мере в отношении науки). В частности, Данилыч оказался серьезно замешан в травлю крупных физиков школы Л.И.Мандельштама, где играл роль "космополитический" характер национальности тех, кто подвергся "философской" травле. Я слышал об этом от своего отца—друга многих учеников Мандельштама. Много лет спустя весьма сомнительные люди вытащили соответствующие (впрочем, абсолютно достоверные) материалы из тайных архивов и предали огласке в конце 80х. Видимо, Данилычу мстили за изменение позиции, тогда был ряд подобных случаев.

Борясь за власть против московских математиков, в 1951м году Данилыч и Марков (то-есть, ректор ЛГУ и глава ЛОМИ, оба члены Партии) обратились в ЦК с очень резким письмом, осуждая статью "Аксиома" в новой Большой Советской Энциклопедии. Это письмо было составлено в духе марксистских обвинений худшего образца. Писал "Аксиому" Колмогоров, но в БСЭ она была без подписи. Они просчитались. Сталин отдал математику под контроль Берии, а "его людьми" были московские математики, М.Келдыш и Петровский. Короче говоря, письмо было спущено для обсуждения в Московское Математическое Общество. Результат был предрешен. У Маркова хватило ума скромно молчать на заседании Общества. Данилыч же (как мне рассказал Ефимов много лет спустя) публично подошел к Яновской и сказал: "Я ВАС СЪЕМ!". По словам Ефимова, он сам подошел и сказал: "Не бойтесь, Софья Алек-

сандровна. Бог не выдаст, свинья не съест." Так Данилыч изображал, что считает автором "Аксиомы" ее. Много лет спустя Данилыч и мне эту клюкву говорил. Но не будем наивны: пусть кто-то другой поверит, что два таких первоклассных математика как Данилыч и Марков (мл) не могли отличить стиль Колмогорова от Яновской.

Эта симпатичная старушка из красной профессуры (кстати, еврейка) была, конечно, представителем Партии и ничего не стоила как математик. У нее были и грехи: например, она вытащила так называемые рукописи Маркса по математике и вместе с ними такую личность как Рыбников. Но она была доброй, любила смягчать нападки и помогать людям. В частности, она подбирала талантливых сирот. Ею были подобраны Е. Дынкин (ставший ей приемным сыном), М. Постников (позднее переехавший к Понтрягину) и Саша Кузнецов (талантливый мат. логик). Так или иначе, Данилыч и Марков проиграли.

Как мне рассказывал отец, Данилыч стал внедрять в начале 50х философский термин "Сталинизм" будучи членом Бюро Ленинградского Горкома. Начальство не знало что делать. Запросили Москву. Понятно, что был только один человек могущий дать ответ. Из Москвы пришло указание: "Намерение у товарищей благородно, но время еще не пришло. Пусть заткнутся." Данилыч сделал себя коммунистом и сам в это поверил. Навсегда! Противно было смотреть телевизор, когда в 90х Ельцинская власть устроила суд над КПСС, а наш Данилыч явился и свидетельствовал в защиту "девственной невинности" этой партии.

В конце 40х-начале 50х Данилыч сделал и много полезного, требовавшего немалой смелости: например, он защитил биологов в ЛГУ после Сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Как сказал мне физик И. Халатников, "У Данилыча надо считать заслуги со знаком, но алгебраическая сумма все же положительна". Как ректор, он сделал в 60м году важное дело для геометрии и топологии: Преодолев большие трудности, он взял в ЛГУ Рохлина, на которого доносы лились потоком (в частности, от Виноградова). В Ленинграде (Петербурге) возникла сильная школа современной топологии, которая позднее слилась с александровской школой геометрии. Здесь были воспитаны Громов, Элиашберг, Перельман. По инициативе Рохлина в 1961 году на Ленинградский Всесоюзный Съезд математиков были приглашены крупнейшие топологи – Милнор и Хирцебрух, после многих лет изоляции. Их приезд сыграл важнейшую роль в критический момент моей научной биографии.